

Научная статья
УДК 93/94

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-806-817>

Революционные трибуналы Тамбовской губернии 1918–1922 гг.

Сергей Алексеевич ПАРАХИН

ФБГОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5
vano12122@mail.ru

Актуальность. Реформирование системы государственного управления невозможно без анализа и учета исторического опыта деятельности карательных органов власти. Революционные трибуналы, созданные как орудие борьбы с противниками большевистского режима, стали формой легимитизации государственного насилия. Изучение механизма функционирования этих органов советской системы имеет важное эвристическое значение наряду с потребностью общественного осмысления роли репрессий в борьбе с социальным протестом. О внимании исследователей к данной проблеме свидетельствуют современные научные публикации. Анализ историографии вопроса дает основание утверждать, что перспективным направлением в изучении темы «революционного правосудия» является анализ деятельности губернских ревтрибуналов, а также выяснение характера их взаимоотношений с другими репрессивными органами власти.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили материалы, выявленные в фондах центральных и местных архивов и введенные в научный оборот, в большинстве своем впервые. Использованные документы позволили изучить процесс организации и практическую деятельность революционных трибуналов в Тамбовской губернии периода 1918–1922 гг. Фактический материал, связанный с борьбой этих органов с крестьянским протестом, был извлечен из материалов местной периодики. Был использован системный подход, а также общенаучные и исторические методы исследования.

Результаты исследования. Осуществлен анализ процесса создания революционных трибуналов в Тамбовской губернии. Установлено их место и функционал в системе управления, а также критерии кадрового отбора их сотрудников. Изучена роль военного революционного трибунала в борьбе с массовым дезертирством. Выявлен характер взаимоотношений губревтрибунала и местной ЧК. На основе следственных материалов и приговоров установлены характер обвинений и меры наказания, примененные к крестьянам, участникам сельских «мятежей», а также к продовольственным работникам, осуществлявшим насилие в ходе изъятия хлеба. Рассмотрена репрессивная деятельность Тамбовского губернского РВТ и его выездных сессий по борьбе и уголовному преследованию как вооруженных повстанцев, так и оказывающего им помощь мирного населения села.

Выводы. На основе широкого круга архивных и иных источников установлено, что деятельность революционных трибуналов Тамбовской губернии периода 1918–1922 гг. носила карательный характер и была направлена на подавление антиправительственного протеста.

Ключевые слова: революционные трибуналы, Тамбовская губерния, крестьянство, дезертиры, повстанцы, расстрелы, репрессии

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Для цитирования: *Парахин С.А.* Революционные трибуналы Тамбовской губернии 1918–1922 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3. С. 806–817. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-806-817>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-806-817>

Revolutionary tribunals of the Tambov province 1918–1922

Sergey A. PARAKHIN

Tambov State Technical University

106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

vano12122@mail.ru

Importance. Reforming the public administration system is impossible without analyzing and taking into account the historical experience of the activities of punitive authorities. Revolutionary tribunals, created as a weapon in the fight against opponents of the Bolshevik regime, became a form of legitimization of state violence. Studying the mechanism of functioning of these bodies of the Soviet system has important heuristic significance, along with the need for public understanding of the role of repression in the fight against social protest. Modern scientific publications testify to the attention of researchers to this problem. An analysis of the historiography of the issue gives grounds to assert that a promising direction in the study of the topic of “revolutionary justice” is the analysis of the activities of provincial revolutionary tribunals, as well as clarification of the nature of their relationships with other repressive authorities.

Materials and Methods. The source base for this work consists of materials identified in the funds of central and local archives and introduced into scientific circulation, most of them for the first time. The documents used made it possible to study the process of organization and practical activities of revolutionary tribunals in the Tambov province of the period 1918–1922. Factual material related to the struggle of these bodies with peasant protest is extracted from materials of local periodicals. The work used a systematic approach, as well as general scientific and historical research methods.

Results and Discussion. An analysis of the process of creating revolutionary tribunals in the Tambov province is carried out. Their place and functionality in the management system, as well as the criteria for personnel selection of their employees, are established. The role of the military revolutionary tribunal in the fight against mass desertion is studied. The nature of the relationship between the provincial regional tribunal and the local Cheka is clarified. Based on investigative materials and sentences, the nature of the charges and penalties applied to peasants, participants in rural “rebellions”, as well as food workers who committed violence during the seizure of grain are established. The repressive activities of the Tambov provincial RVT and its visiting sessions to combat and prosecute both armed rebels and the civilian population of the village assisting them are considered.

Conclusion. Based on a wide range of archival and other sources, it is established that the activities of the revolutionary tribunals of the Tambov province in the period 1918–1922 was punitive in nature and aimed at suppressing anti-government protest.

Keywords: revolutionary tribunals, Tambov province, peasantry, deserters, rebels, executions, repressions

Conflict of Interests. Author declares no conflict of interests.

Funding. There is no funding of the work.

For citation: Parakhin, S.A. (2024). Revolutionary tribunals of the Tambov province 1918–1922. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 3, pp. 806-817. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-806-817>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Изучение природы и функционирования тоталитарной системы невозможно без выяснения места и роли в ней репрессивных органов. Обращение к истории создания и деятельности революционных трибуналов обосновано необходимостью изучения их роли в осуществлении карательной политики коммунистической власти и места в советской системе управления. Региональный характер исследования вкупе с использованием документов местных архивов позволили выяснить характер деятельности революционных трибуналов и установить их функциональные особенности.

Составной частью репрессивного механизма советской системы управления выступали революционные трибуналы. Проблема их создания и деятельности имеет внушительную историографию. Только за последние два десятилетия по этой теме защищено ряд диссертационных работ, выполненных на региональном уровне¹. О роли революционных трибуналов в системе антикрестьянского террора размышляет в своем исследовании В.В. Никулин. Он приходит к выводу о том,

¹ См.: *Абрамов В.В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918–1922 гг.) (на материалах Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 23 с.; *Горьев Д.А.* Деятельность революционных трибуналов на Кубани (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 27 с.; *Макутчев А.В.* Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.; *Позднякова А.С.* Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 30 с.; *Федоренко П.П.* Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 21 с.

что коммунистическая власть использовала их формальную легитимность для морально-идеологического обоснования своих репрессивных действий [1, с. 200]. Анализируя процесс создания Брянского революционного трибунала, исследователь М.В. Брянцев отмечает напряженность во взаимоотношениях с губернскими органами власти и местной ЧК [2, с. 152-153]. На основе изучения деятельности ревтрибуналов Воронежской губернии в 1917–1923 гг. В.А. Перцев делает вывод, что «они имели в своем арсенале чрезвычайные права и полномочия, и в то же время у их сотрудников был крайне низкий уровень юридической грамотности и практически отсутствовал опыт работы в судопроизводстве» [3, с. 42]. Структура и функционал Курского ревтрибунала периода 1920–1922 гг. изучен в работе В.Н. Письменова. По его мнению, большинство рассматриваемых трибуналом дел были не политические, а уголовные [4, с. 244]. Ульяновские историки изучили деятельность ревтрибуналов на территории Среднего Поволжья. Ученые утверждают, что «чрезвычайные судебные органы при выполнении своих задач нередко допускали просчеты и открыто пренебрегали принятыми законодательными актами» [5, с. 60]. Особенности вынесения приговоров по делам духовенства и верующих Московским революционным трибуналом установлены в статье В.В. Никонова [6]. Исследователь М.С. Пивоваров дал оценку роли ревтрибуналов Сибири в ликвидации повстанческого движения. Особое внимание он уделит анализу деятельности выездных сессий РВТ по расправе над участниками антикоммунистических мятежей [7, с. 249-252]. Ревтрибуналы, как инструмент борьбы с крестьянами в ходе Западно-Сибирского восстания, изучен в работе И.В. Скипиной. Исследователь

утверждает, что «они сыграли существенную роль в легитимации насилия, проявленного по отношению к крестьянству» [8, с. 177]. Статья Н.А. Алексанян посвящена проблеме борьбы ревтрибунала с дезертирством в Воронежской губернии [9]. Направления работы и социальные функции трибуналов на железных дорогах, действовавших в 1920–1923 гг., рассмотрены А.Ю. Давыдовым. Исследователь обосновано утверждает, что «в условиях новой экономической политики деятельность революционных трибуналов утратила чрезвычайный характер» [10, с. 353]. Повседневная жизнь работников губернских ревтрибуналов стала предметом изучения С.И. Денисова. По его мнению, «уровень достатка работников трибунала был невысок, что компенсировалось широкой государственной поддержкой» [11, с. 285].

Историографический обзор дает основание утверждать, что проблема деятельности губернских ревтрибуналов периода Гражданской войны остается актуальной темой исторических исследований. Востребованным в плане научных изысканий является вопрос места и роли революционного трибунала в карательной системе советского государства. В данном контексте перспективным направлением представляется изучение практики «революционного правосудия» на местах и выявление особенностей в работе губернских ревтрибуналов и их взаимоотношений с другими репрессивными органами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Документальную основу исследования составили материалы, извлеченные в фондах центральных и тамбовских архивов. В фондах Тамбовского губернского революционного трибунала (Ф. Р-5201) и Революционного военного трибунала при командующем войсками Тамбовской губернии (Ф. Р-4075) Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) использованы документы делопроизводства, следственные материалы, приговоры трибуналов, характеризующие их организацию и деятельность. Материалы Там-

бовского губкома РКП(б) (Ф. П-840), находящиеся на хранении в Государственной архиве социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО), позволили установить роль партийных комитетов в формировании кадрового состава трибуналов, организации выездных сессий революционного военного трибунала (РВТ), осуществлении репрессий в ходе подавления крестьянского восстания. Практика применения трибуналом расстрела была изучена на основе содержания приговоров, направленных на утверждение в Верховный трибунал ВЦИК (Ф. Р-1005), и отложившиеся в фонде Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В фонде Наркомата юстиции РСФСР (Ф. А-353) того же архива выявлены документы о числе осужденных трибуналами губернии за контрреволюционную деятельность. Обращение к материалам губернской и уездной периодики позволило установить конкретные факты в практике «революционного правосудия» губернского трибунала.

Был использован весь исследовательский инструментарий, включающий в себя как общенаучные методы, так и основополагающие принципы исторического познания – объективность и историзм. Для изучения проблемы создания и деятельности революционных трибуналов был применен системный подход. Движение дел, число вынесенных приговоров, количество осужденных были установлены посредством статистического метода и контент-анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Процесс создания ревтрибуналов начался в декабре 1917 г., а к концу весны 1918 г. они уже функционировали на всей территории советской России. В декрете СНК «О суде» от 24 ноября 1917 г. говорилось, что «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоевания <...> учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы»². А 19

² СУ РСФСР (Собрание узаконений РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.

декабря 1917 г. наркоматом юстиции была утверждена инструкция, согласно которой к их подсудности были отнесены дела «о восстании против советской власти, противодействии и неподчинении и призыве к такому деянию...»³.

Суть их деятельности была сформулирована правительственным декретом от 4 мая 1918 г. Им они объявлялись органами расправы, «где проблема вины, доказательств не имела значения, уступая место революционной целесообразности»⁴. Таким образом, трибуналы изначально создавались как чрезвычайные и репрессивные органы с целью насилия по отношению к противникам существующей власти [12, с. 202]. В июне 1918 г. было установлено правило, согласно которому «революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией <...> не связаны никакими ограничениями»⁵. Они получили право выносить смертные приговоры, а также усиливать меры наказания, предусмотренные законом. Объясняя репрессивный характер их деятельности, М.А. Рейснер писал, что «трибуналы были созданы именно в целях применения «мер насилия». Здесь было не до права и не до его толкования...» [13, с. 213-214]. В сентябре 1918 г. в стране был объявлен «красный террор», а 8 ноября 1918 г. VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов признал «неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него»⁶.

Формально трибуналы были включены в советскую систему управления и первоначально входили в отдел юстиции губернских исполкомов. Формирование революционных трибуналов на местах производилось исполкомом губернского совета посредством делегирования в их состав председателя и заместителей. Критерием отбора являлась принадлежность к партии большевиков, и наличие юридического образования не имело значе-

ния. В Тамбове губернский революционный трибунал был создан 4 марта 1918 г. в составе четырех его членов. Местный комиссар юстиции охарактеризовал его как «особый орган борьбы, обладающий правом верховного судилища»⁷. В последующие два месяца ревтрибуналы появились в большинстве уездных центров. Некоторые из них, судя по документам, работали весьма активно. Так, Усманским ревтрибуналом в период с 1 февраля по 15 мая 1918 г. решено 254 дела, из них 86 – по контрреволюционным делам⁸. Репрессивная «самодеятельность» на местах была столь велика, что карательные функции брали на себя члены уездных исполкомов. Так, в апреле 1918 г. при подавлении крестьянского восстания в с. Шехмань по решению членов исполкома Липецкого Совдепа Плишкина, Дмитриева и Василевского был расстрелян его организатор Иван Андреевич Шипилов, а 16 активных участников отправлены в тюрьму⁹. По приказу военного комиссара Ромашата при подавлении восстания в Конобеевской волости Шацкого уезда в ноябре 1918 г. было расстреляно 40 местных жителей¹⁰. Несмотря на то, что эти факты стали предметом разбирательства Тамбовским губернским революционным трибуналом, никто из советских работников и партийных функционеров ответственности не понес.

Декретом СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. именно губернский уровень устанавливался как основной для их деятельности, а все уездные ревтрибуналы упразднялись. Однако на местах не спешили выполнять указание центра. Из отношения кассационного отдела ВЦИК от 18 июля 1918 г. следовало, что вопреки требованиям декрета в Шацке продолжал функционировать уездный ревтрибунал¹¹. Во исполнение

⁷ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-648. Оп. 1. Л. 85.

⁸ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-353. Оп. 9. Д. 45. Л. 36.

⁹ ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 88. Л. 37об.

¹⁰ Там же. Д. 856. Л. 15.

¹¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 9. Д. 45. Л. 97.

данного решения из двух ревтрибуналов, действовавших на территории Тамбовской губернии, Моршанский был закрыт, а Тамбовский – реформирован¹². Процесс ликвидации Моршанского ревтрибунала затянулся почти на год. Распоряжением наркома юстиции местный ревтрибунал прекратил свою деятельность лишь 29 апреля 1919 г.¹³

Таким образом, на местах шла активная борьба за сохранение системы ревтрибуналов. В июне 1918 г. из Усмани сообщали в Москву, что после ликвидации ревтрибунала борьба с контрреволюцией в уезде стала невозможна¹⁴. Тамбовский комиссариат юстиции в обращении от 22 июля 1918 г. возражал против упразднения Козловского ревтрибунала. Он мотивировал это тем, что Козлов является крупной узловой станцией, и поэтому, согласно декрету от 4 мая 1918 г., сохранение трибунала предусмотрено¹⁵. Просьба была удовлетворена наркомом юстиции 27 июля 1918 г.¹⁶ Однако постановлением Тамбовского губисполкома от 5 октября 1918 г. Козловский революционный трибунал был все-таки упразднен по причине «крайне незначительного поступления подсудных ему дел»¹⁷. Так, с февраля по октябрь 1918 г. он рассмотрел всего 32 из 40 поступивших дел, в большинстве своем гражданского характера¹⁸.

Политическая направленность в деятельности ревтрибунала была обозначена «Положением о революционных трибуналах» от 12 апреля 1919 г., которым его состав ограничивался тремя судьями из числа «политических работников»¹⁹. Следственный аппарат состоял из «пяти человек, двух беспартийных с высшим образованием и трех коммунистов – партийных с головой»²⁰. Таким образом, ведущую роль в формировании

кадрового состава трибунала стал играть губком РКП(б). Тамбовский губернский трибунал был сформирован 23 апреля 1919 г. в составе: председателя – М.Ф. Митрофанова, заместителей – А.М. Павлова, Н.А. Данилова, А.М. Окулярова. Порядок выездных сессий трибунала утвержден губернским исполнительным комитетом, а вот их персональный состав предложен губкомом РКП(б)²¹. С 15 октября 1919 г. состав трибунала изменился. Председателем стал Н.А. Данилов, а заместителями – А.К. Мирский-Кабахидзе, К.П. Воронин, Н.Н. Булгаков²².

Столкнувшись с проблемой массового дезертирства в ходе мобилизации весной 1919 г., коммунистическая власть прибегла к испытанному методу репрессии. В губернии были созданы орган и отряды по борьбе с дезертирством. А приказом губернского военного комиссара от 9 августа 1919 г. организован военно-революционный трибунал, в составе председателя и двух членов, а также двух следователей. Он должен был немедленно приступить к работе, а его компетенции были приравнены к трибуналу армии²³. Ему были подсудны все политические дела военного характера преступления, совершенные солдатами и военнослужащими, комиссарами отдельных частей и учреждений, все возможные виды дезертирства²⁴. Спустя два месяца Тамбовский губернский военком в обращении на имя председателя РВТ сетовал, что «трибунал крайне медленно ведет разбор дел арестованных дезертиров, отчего на гауптвахте скопилось большое число арестованных», а также просил принять меры «к быстрому введению судопроизводства, так как только при этом условии трибунал оправдывает свое назначение»²⁵. С целью скорейшего решения дел на местах РВТ были организованы и командированы две выездные сессии, а затем еще четыре, которые

¹² ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 78.

¹⁶ Там же. Л. 79.

¹⁷ Там же. Л. 28, 29.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.

¹⁹ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 60. Л. 10.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

²² Там же. Л. 30.

²³ ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3. Д. 8. Л. 25.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 8. Л. 26.

действовали в уездах губернии²⁶. Только сессией реввоен трибунала в Тамбовском уезде в конце декабря 1919 г. – начале января 1920 г. было осуждено 150 дезертиров²⁷.

После отмены смертной казни в стране Центркомдезертир телеграммой от 4 февраля 1921 г. предложил всем выездным сессиям Тамбовского РВТ применять к злостным дезертирам не расстрел, а пожизненное заключение²⁸. Следует отметить, что смягчение наказания касалось только дезертиров и не распространялось на приговоренных к расстрелу за вооруженные выступления, грабежи и организацию банд²⁹. Согласно отчету Тамбовского РВТ за период с июня по декабрь 1920 г. по делам о дезертирах, им были вынесены следующие решения: отправлено в штрафные роты – 84 человека, на фронт – 10 человек, в мобилизационный отдел – 2 человека; заключено в тюрьму – 15 человек, в концлагерь – 6 человек; условно расстреляно – 6 человек, расстрелян – 1 человек за злостное и неисправимое дезертирство, оскорбление Красной армии и другие преступления³⁰.

С созданием революционного трибунала возникли закономерные сложности в его взаимоотношении с другим репрессивным органом – ВЧК. Общность задач вкупе с отсутствием четкого разграничения приводили к дублированию деятельности ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий. С целью решения этой проблемы 18 марта 1920 г. ВЦИК утвердил «Основное положение о революционных трибуналах». Согласно ему ревтрибуналы и чрезвычайные комиссии объединяли свои усилия в борьбе с контрреволюцией и преступностью. При этом «чрезвычайки» выступали в качестве следственных органов ревтрибуналов, а в их состав вводился представитель ВЧК³¹. Однако на практике четкого взаимодействия между ревтрибуналом и чрезвычайной комиссией достигнуто не было. В

докладе председателя Тамбовского губрев трибунала Ф.К. Трасковича от 24 сентября 1920 г. отмечалось, что «существование двух карательных органов в губернии ненормально»³². На недопустимость «трений» между репрессивными органами губернии было указано и в письме Кассационного отдела РВТ при ВЦИК³³.

Декретом от 18 марта 1920 г. ревтрибуналы стали единственным органом, имевшим право вынесения приговоров, к их юрисдикции были отнесены «любые деяния, в которых усматривались признаки опасности для РСФСР или порядков, в нем установленных»³⁴. По состоянию на 1 июля 1920 г. в Тамбовский губернский ревтрибунал поступило 301 дело, из них контрреволюционных – 5, спекуляций – 8, должностных преступлений – 116 и остальных – 172³⁵. Таким образом, в деятельности ревтрибунала продолжали преобладать дела уголовного характера. Примером же «контрреволюционного» дела, рассмотренного в Тамбовском губернском революционном трибунале, может служить «восстание» 13 июля 1919 г. в с. Липовка Моршанского уезда, результатом которого стали 3 убитых из отряда в 11 человек, посланных для охраны Липовской плантации. Приговором ревтрибунала от 18 мая 1920 г. пять крестьян «за неподчинение распоряжениям советской власти и вооруженное ей противодействие» были расстреляны, а остальные получили различные сроки тюремного заключения, от года до пяти лет³⁶.

Демонстрируя решимость в борьбе с врагами революции, трибуналы проявляли мягкость в наказании агентов губернского продовольственного комитета «за превышение власти». Так, решением Тамбовского губрев трибунала от 7 октября 1920 г. дело по обвинению Михаила Ивановича Супесса, 24 лет, в истязании граждан Ново-Кабаньевской волости Борисоглебского уезда было пре-

²⁶ Там же. Д. 9. Л. 30б.

²⁷ ГАТО. Ф. Р-1889. Оп. 1. Д. 297. Л. 12.

²⁸ Там же. Ф. Р-4075. Оп. 3. Д. 8. Л. 46, 58.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3. Д. 8. Л. 30, 68.

³⁰ Там же. Д. 9. Л. 3.

³¹ СУ РСФСР. 1920. № 22-23. Ст. 115.

³² ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 60. Л. 90б.

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 60. Л. 6.

³⁶ Моршанская коммуна. 1920. 20 мая.

кращено в силу амнистии в честь 3-й годовщины Октябрьской революции³⁷. Особую лояльность проявляли ревтрибуналы к своим сотрудникам, даже если их действия были преступными. Так, начальник отдела чрезвычайкома при Моршанском ревтрибунале Федор Иосифович Дубенчука, 23 лет, расстрелявший 6 крестьян, жителей с. Островка Моршанского уезда, после подавления «кулацкого» мятежа в ноябре 1918 г. решением Тамбовского губревтрибунала от 5 мая 1921 г. наказания не понес в силу ноябрьской и первоймайской амнистий³⁸. Еще более показательным приговором Тамбовского губревтрибунала от 10 ноября 1920 г. в отношении уполномоченного губпродкома Якова Марголина [14, с. 181]. Несмотря на доказанность всех обвинений в насилии и издевательствах над крестьянами, ревтрибунал постановил «подвергнуть Я.И. Марголина условному тюремному заключению сроком на пять лет, но, принимая во внимание амнистию в честь 3-й годовщины Октябрьской революции <...> от наказания освободить»³⁹. Регулярные амнистии, осуществляемые трибуналами, выступали не проявлением либерализации судебной системы, а были следствием перегруженности судебных органов уголовными делами и нехваткой мест заключения.

Система трибуналов в стране расширялась. Помимо губернских ревтрибуналов были созданы ведомственные трибуналы⁴⁰. По сообщению губернских «Известий» от 27 июня 1920 г., в Тамбове был учрежден отдел Революционного трибунала ВОХР при 5-й бригаде. Ему были подсудны уголовные дела как гражданских, так и военных лиц. Однако главной задачей трибунала являлось преследование за такие преступления, как «бандитизм в смысле участия в шайке, вооруженный грабёж, разбойное нападение, налеты, шпионаж, измена и посягательство на жизнь должностных лиц правительственных и общественных учреждений при исполнении

ими своих обязанностей»⁴¹. Таким образом, его миссия заключалась в решительном подавлении крестьянского протеста, вызванного грабительской политикой продразверстки. Так, по информации губернских «Известий», в начале сентября 1920 г. красными войсками была произведена беспощадная реквизиция и конфискация продовольствия, скота и имущества восставших крестьян. Действующими против банд частями, а также трибуналом ВОХР расстреляно свыше 250 «бандитов» и их пособников⁴².

Для борьбы с крестьянским восстанием в губернии 25 ноября 1920 г. был организован Тамбовский военно-революционный трибунал⁴³. А в январе 1921 г. сформирован Тамбовский губернский революционно-военный трибунал (РВТ)⁴⁴. Также были созданы трибуналы при командующем войсками Тамбовской губернии и 15-й Сибирской кавалерийской дивизии и сформированы семь выездных сессий РВТ при каждом боевом участке [15, с. 118-119]. 34 крестьянина было расстреляно за «активный бандитизм» в период с 25 февраля по 12 апреля 1921 г. по приговорам РВТ при командующем войсками Тамбовской губернии⁴⁵. Только в одном селе Малые Алабушки Борисоглебского уезда выездная сессия РВТ 15-й Сиббавдивизии приговорила к высшей мере наказания 39 местных жителей⁴⁶. Решением шестой выездной сессии Тамбовского ревтрибунала пять жителей с. Пичаево Моршанского уезда «за злостное дезертирство с оружием в руках, активный бандитизм и несение караульной службы у бандитов» были расстреляны⁴⁷. За «контрреволюционное восстание» жителей с. Липяги Алешковской волости Борисоглеб-

⁴¹ Известия Тамб. губ. исп. ком. Сов. раб. кр. и кр. деп. 1920. 27 июня.

⁴² Известия Тамб. губ. исп. ком. Сов. раб. кр. и кр. деп. 1920. 7 сент.

⁴³ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1030. Л. 237.

⁴⁴ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1030. Л. 27об.

⁴⁵ Там же. Л. 50.

⁴⁶ Там же. Л. 51об.

⁴⁷ Моршанская коммуна. 1921. 14 апр.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1392. Л. 36.

³⁸ Там же. Д. 878. Л. 61, 68, 178.

³⁹ ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1357. Л. 34.

⁴⁰ СУ РСФСР. 1920. № 21. Ст. 112.

ского уезда в январе 1921 г. приговором выездной сессии Тамбовского губревтрибунала от 24 февраля 1921 г. 31 крестьянин был расстрелян, 22 были осуждены к пожизненному заключению, а 10 – к пяти годам тюрьмы⁴⁸. Снисхождение проявляли к молодым крестьянам. Так, приговором 1-й выездной сессии Тамбовского губревтрибунала от 24 февраля 1921 г. крестьянин Иван Шведов, 16 лет, «за непосредственное участие в грабежах бандитов» был осужден к расстрелу, но учитывая его возраст, расстрел был заменен 5-летним тюремным заключением⁴⁹. К женщинам, осужденным за бандитизм, революционный суд пощады не имел. Среди шести, расстрелянных по приговору 6-й выездной сессии губревтрибунала в апреле 1921 г., была Матвеева-Смирнова Анна Ильинична, «как вдохновительница и руководительница бандитам»⁵⁰.

Таким образом, в ходе подавления Тамбовского восстания карательная функция стала основной в деятельности реввоен трибунала. Ее значение в текущей обстановке предельно четко и ясно изложил в феврале 1921 г. председатель Тамбовского РВТ А.М. Варман. В его обращении на имя председателя Тамбовской губЧК утверждалось, что «РВТ в боевой обстановке является не только органом революционного правосудия, но и аппаратом, который может и должен проявить максимум воздействия в районе восстания <...>. Он, при условии массовых контрреволюционных выступлений, является, прежде всего, органом расправы, а потом уже аппаратом правосудия»⁵¹.

Как и в предыдущий период, главным недостатком являлось отсутствие четкого взаимодействия в деятельности карательных органов советской системы управления. В протоколе № 6 заседания Полномочной комиссии ВЦИК от 18 марта 1921 г. отмечалось, что «систематизации материала по

борьбе с бандитизмом нет, губЧК и Особый отдел РВТ работают несогласованно». Далее предлагалось «создать единый орган для борьбы с бандитизмом, обратив особое внимание, что в борьбе с бандитизмом изучение и систематизация материала имеет исключительно важное значение»⁵². Другой проблемой оставался кадровый вопрос. Из доклада И.М. Уборевича от 23 мая 1921 г. по результатам обследования 1-го и 2-го боевых участков следует, что «остро чувствуется недостаток в особистах и трибуналистах»⁵³.

После подавления крестьянского восстания трибуналы сосредоточили свои усилия на репрессиях в отношении населения так называемых бандитских районов. Примером тому может служить приговор 1-го отдела РВТ от 5 сентября 1921 г. по обвинению 27 крестьян Курдюковской волости Тамбовского уезда. Вся их «вина» состояла в том, что они «дали заведомо ложные сведения, где указали, что бандитов в обществе не имеются». Поэтому РВТ, «руководствуясь коммунистическим правосознанием», приговорил «18 крестьян подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет, а 9 крестьян – сроком на три года, с заключением в концентрационный лагерь вне пределов Тамбовской губернии»⁵⁴.

С переходом к нэпу задачи ревтрибуналов были дополнены борьбой с преступлениями в хозяйственной сфере. Для решения проблемы сбора продовольственного налога ревтрибунал осуществлял меры по взысканию с крестьян недоимок и наказанию их. Так, в апреле 1922 г. выездные сессии Тамбовского губревтрибунала за неуплату налога приговаривали крестьян к лишению земельного надела⁵⁵. Любопытно то, что в этом же месяце 8-го числа в Верховный трибунал поступил рапорт от следователей губревтрибунала. В нем они жаловались на большую загруженность в работе по причине передачи дел из РВТ и губЧК, на малый объем продовольственного пайка в 17 фунтов пшена, не-

⁴⁸ ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1673. Л. 290, 294, 304, 305.

⁴⁹ Там же. Д. 1046. Л. 197.

⁵⁰ Моршанская коммуна. 1921. 10 апр.

⁵¹ ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3. Д. 42. Л. 43.

⁵² ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1039. Л. 8.

⁵³ Там же. Л. 23.

⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Л. 130-131.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 185. Л. 62.

выдачу жалования и пайка за март месяц⁵⁶. По всему обращению тамбовских следователей Верховный трибунал дал ход. В результате ревизии Тамбовского трибунала, как следует из протокола № 12 пленума Верховного трибунала ВЦИК от 29 апреля 1922 г., «был обнаружен целый ряд упущений и дефектов, указующих на несоответствие председателя трибунала т. Данилова своему назначению»⁵⁷. Аналогичное состояние дел было характерно и для ревтрибуналов других регионов [16, с. 170]. Дальнейшая судьба губернских ревтрибуналов, в том числе Тамбовского, была решена Положением о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г., согласно которому они были преобразованы в губернские суды, а Верховный трибунал – в Верховный суд⁵⁸. Таким образом, выполнив задачу защиты коммунистической власти от «контрреволюционных сил», система революционных трибуналов была упразднена.

ВЫВОДЫ

Революционные трибуналы Тамбовской губернии, как и в целом по стране, на протяжении всего периода своей деятельности выступали для власти орудием политических репрессий. Включенные в советскую систему управления и обладая судебными функциями, они были использованы коммунистическим режимом с целью подавления социального протеста его противников и их кары. При этом они руководствовались не нормами права, а принципом «революционного правосознания». Изученные в ходе исследования архивные документы и материалы периодической печати дают основания утверждать, что основной задачей губернского революционного (военного) трибунала являлось осуществление политических репрессий в форме уголовного преследования и наказания, включая расстрел. Они применялись к участникам сельских «мятежей», деревенским жителям, дезертировавшим из частей Красной армии, а также повстанцам и сочувствующим им лицам из числа местного населения в ходе подавления крестьянского восстания 1920–1921 гг.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 185. Л. 40.

⁵⁷ Там же. Л. 120.

⁵⁸ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

Список источников

1. Никулин В.В. Революционные трибуналы в системе антикрестьянского террора (1918–1921 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 197-201. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-189-197-201>, <https://elibrary.ru/qxyfhz>
2. Брянцев М.В. К вопросу об образовании Брянского революционного трибунала // Право: история, теория, практика. Брянск, 2019. Вып. 23. С. 146-154. <https://elibrary.ru/wclrxl>
3. Перцев В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917–1923 гг. // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2008. № 1. С. 28-43. <https://elibrary.ru/knxedv>
4. Письменов В.Н. Курский губернский революционный трибунал как орган советской судебной системы: место и роль // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 240-245. <https://elibrary.ru/raiyov>
5. Мухамедов Р.А., Чигрин М.В., Пашкин А.Г. Формирование системы революционных трибуналов на территории Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2023. Т. 5. № 1 (17). С. 54-66. <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2023-5-1-54-66>, <https://elibrary.ru/gzfbog>
6. Никонов В.В. Особенности вынесения приговоров Московским революционным трибуналом по делам духовенства и верующих в 1918–1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2022. № 108. С. 74-87. <https://doi.org/10.15382/sturI2022108.74-87>, <https://elibrary.ru/wlbttas>

7. Пивоваров М.С. Участие революционных трибуналов в ликвидации антикоммунистических вооруженных выступлений в Сибири (октябрь 1920 – август 1921 г.) // Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019. С. 243-255. <https://doi.org/10.31518/978-5-7692-1664-0-243-255>, <https://elibrary.ru/sruioh>
8. Скипина И.В. Тюменский губернский революционный трибунал как инструмент борьбы с восставшим крестьянством (1921 год) // Вестник КРАНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 1 (41). С. 172-178. <https://elibrary.ru/dyjjiya>
9. Алексанян Н.А. Дезертирство из Красной армии и борьба с ним на территории Воронежской губернии // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 72-77. <https://elibrary.ru/uogcha>
10. Давыдов А.Ю. Революционные военные железнодорожные трибуналы на Северо-Западе России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 353-375. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.204>, <https://elibrary.ru/jaluij>
11. Денисов С.И. Повседневная жизнь работников революционного трибунала в провинции (на примере Брянского региона) // Право: история, теория, практика. Брянск, 2021. Вып. 25. С. 275-286. <https://elibrary.ru/fwjmqj>
12. Никулин В.В. Российская революция и право: генезис и становление советской правовой системы 1917–1920 гг. М.: Юстицинформ, 2020. 244 с. <https://elibrary.ru/pkohoy>
13. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. 275 с.
14. Безгин В.Б. «Дело Марголина»: борисоглебский эпизод // На ветрах гражданской войны. Воронежская деревня 1917–1922 гг. М.: АИРО-XXI, 2019. С. 173-182.
15. Парахин С.А., Безгин В.Б. Расстрелы крестьянских повстанцев и сельских заложников в Тамбовской губернии 1918–1921 гг. // История: факты и символы. 2021. № 4 (29). С. 113-125. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-29-4-113-124>, <https://elibrary.ru/vqnhfl>
16. Шкаревский Д.Н. Революционные трибуналы в 1920-е годы: роль и значение // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3 (48). С. 166-173. <https://elibrary.ru/saagdr>

References

1. Nikulin V.V. (2020). Revolutionary tribunals in the anti-peasant terror system (1918–1921). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, vol. 25, no. 189, pp. 197-201. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-189-197-201>, <https://elibrary.ru/qxyfhz>
2. Bryantsev M.V. (2019). K voprosu ob obrazovanii Bryanskogo revolyutsionnogo tribunala [On the issue of the formation of the Bryansk Revolutionary Tribunal]. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Bryansk, issue 23, pp. 146-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wclrxl>
3. Pertsev V.A. (2008). “By the name of the revolution!”: from the history of creation and activity of Voronezh province revolution tribunal in 1917–1923. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, no. 1, pp. 28-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/knxedv>
4. Pis'menov V.N. (2012). Kursk gubernsky revolutionary tribunal as organ soviet judicial system: the place and role. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, no 1-2, pp. 240-245. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raiyov>
5. Mukhamedov R.A., Chigrin M.V., Pashkin A.G. (2023). Formation of a system of revolutionary tribunals in the middle Volga region in 1917–1923. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki = Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, vol. 5, no. 1 (17), pp. 54-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2023-5-1-54-66>, <https://elibrary.ru/gzfbog>
6. Nikonov V.V. (2022). Features of sentencing by Moscow revolutionary tribunal for the clergy and believers in 1918–1920. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi = St. Tikhon's Uni-*

- versity Review. Series 2: History; History of Russian Orthodox Church, no. 108, pp. 74-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.15382/sturII2022108.74-87>, <https://elibrary.ru/wlbtas>
7. Pivovarov M.S. (2019). Uchastie revolyutsionnykh tribunalov v likvidatsii antikommunisticheskikh vooruzhennykh vystuplenii v Sibiri (oktyabr' 1920 – avgust 1921 g.) [Participation of revolutionary tribunals in the liquidation of anti-communist armed protests in Siberia (October 1920 – August 1921)]. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.)* [Civil War in Eastern Russia (November 1917 – December 1922)]. Novosibirsk, pp. 249-252. (In Russ.) <https://doi.org/10.31518/978-5-7692-1664-0-243-255>, <https://elibrary.ru/sruioh>
 8. Skipina I.V. (2023). The Tyumen province revolutionary tribunal as a tool of fighting against the revolutionary peasantry (1921). *Vestnik KRANTS. Seriya «Gumanitarnye nauki» = Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities*, no. 1 (41), pp. 172-178. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dyjiya>
 9. Aleksanyan N.A. (2018). Desertion from the red army and the struggle against it in the territory of the Voronezh province. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine*, no. 3, pp. 72-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uogcha>
 10. Davydov A.Yu. (2023). Revolutionary military railway tribunals in Northwestern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 68, no. 2, pp. 353-375. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.204>, <https://elibrary.ru/jaluij>
 11. Denisov S.I. (2021). Everyday life of employees of revolutionary tribunal in the province (on the example of Bryansk region). *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Bryansk, issue 25, pp. 275-286. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fwjmq>
 12. Nikulin V.V. (2020). *Rossiiskaya revolyutsiya i pravo: genezis i stanovlenie sovetskoi pravovoi sistemy 1917–1920 gg.* [Russian Revolution and Law: Genesis and Formation of the Soviet Legal System 1917–1920]. Moscow, Yustitsinform Publ., 244 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pkohoy>
 13. Reisner M.A. (1925). *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo* [Law. Our Law. Someone Else's Law. Common Law]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Publ., 275 p. (In Russ.)
 14. Bezgin V.B. (2019). «Delo Margolina»: borisoglebskii ehpizod [“The Margolin Case”: Borisoglebsk Episode]. *Na vetrakh grazhdanskoi voiny. Voronezhskaya derevnya 1917–1922 gg.* [On the Winds of Civil War. Voronezh Village 1917–1922]. Moscow, AIRO-21 Publ., pp. 173-182. (In Russ.)
 15. Parakhin S.A., Bezgin V.B. (2021). Execution of peasant rebels and rural hostages in Tambov province 1918–1921. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*, no. 4 (29), pp. 113-125. (In Russ.) <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-29-4-113-124>, <https://elibrary.ru/vqnhfl>
 16. Shkarevskii D.N. (2018). Revolutionary tribunals in the 1920s: the role and significance. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo institute = Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 3 (48), pp. 166-173. (In Russ.) <https://elibrary.ru/saagdr>

Информация об авторе

Парахин Сергей Алексеевич, научный сотрудник, кафедра «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0000-8667-0272>
vano12122@mail.ru

Поступила в редакцию 15.03.2024
Одобрена после рецензирования 07.06.2024
Принята к публикации 13.06.2024

Information about the author

Sergey A. Parakhin, Research Scholar, “History and Philosophy” Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0000-8667-0272>
vano12122@mail.ru

Received 15.03.2024
Approved 07.06.2024
Accepted 13.06.2024